

Иезуиты

Эдвард Хоар

The Jesuits

Edward Hoare

Электронная книга проекта "Гутенберг" иезуитов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Иезуиты

Автор: Эдвард Хоар

Дата выхода: 10 мая 2016 [Электронная книга № 52039]

Язык: Английский

Титры: Переписано с издания Дж. Х. Джексона 1852 года Дэвидом Прайсом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИЕЗУИТЫ" ***

Переписано с издания Дж. Х. Джексона 1852 года Дэвидом Прайсом, электронное письмо ssx074@pglaf.org

ИЕЗУИТЫ.

ПРЕПОДОБНЫМ. ЭДВАРД ХОАР, МАССАЧУСЕТС, НАСТОЯТЕЛЬ ЦЕРКВИ ХРИСТА, РАМСГЕЙТ.

Второе издание.

ЛОНДОН:

Дж. Х. ДЖЕКСОН, ИСЛИНГТОН-ГРИН,

И ПАТЕРНОСТЕР-РОУ;

ХЭТЧАРД, ПИКАДИЛЛИ; И СИЛИ, ФЛИТ-СТРИТ.

1852.

Протестантские ассоциации, или другие партии, желающие распространить большое количество этой брошюры, могут приобрести их со значительной скидкой, обратившись к Издателю.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание следующих страниц было подготовлено в качестве лекции для Ислингтонского протестантского института. Прочтение этой лекции привело к более тщательному изучению предмета, так что во втором издании содержится значительное количество дополнительной информации, которая, я надеюсь, может оказаться важной.

Один джентльмен оказал мне честь, обратив внимание на первое издание и опубликовав брошюру, чтобы показать, что конституция, цитируемая на странице 32, должна быть изложена так, как читатель найдет ее там. Я очень сожалею, что он счел правильным сказать об оставшейся части лекции, что “утверждения, которым, несомненно, мало кто может поверить, произведут, как он надеется, в умах читателей эффект, прямо противоположный тому, на который рассчитывал”. Если бы он указал на какую-либо неточность, я был бы только рад исправить ее; и любое доказательство ошибки с моей стороны было бы гораздо более удовлетворительным для его читателей, чем общая и ничем не подкрепленная инсинуация. Я полагаю, что в настоящем издании он найдет четкие ссылки на каждый важный отрывок; и ему предоставляется прекрасная возможность, если возможно, опровергнуть мои утверждения.

Е. Н.

Рамсгейт, 12 февраля 1852 года.

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ЦЕЛЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ.

Из всех различных человеческих объединений, которые когда-либо поднимались, чтобы украсить или опозорить человечество, Общество иезуитов, пожалуй, самое замечательное. Великие люди мира строили могучие схемы для его управления, и предельные силы человеческого разума снова и снова призывались для того, чтобы объединить людей для достижения какой-то заданной цели; но из всех этих разнообразных схем, я полагаю, можно с уверенностью утверждать, что никогда еще не было известно ни одной, столь превосходно подходящей для своей цели, так прекрасно выверенной по своим частям, так чудесно приспособленной к реальному состоянию общества или обладающей столь экстраординарной способностью применять свои приемы, чтобы соответствовать путям и желаниям всех тех бесчисленных персонажей, на которых распространяется ее действие. Вопрос о том, является ли такой институт проклятием или благословением для человечества, должен, конечно, зависеть от двух вещей, а именно от цели, на которую направлены его усилия, и принципов, с помощью которых они контролируются. Если этой целью является прославление Господа Иисуса Христа, и если эти принципы согласуются со Словом Божьим, тогда, очевидно, столь разнообразное и эффективное средство должно самым мощным образом действовать на благо человека; но если, с другой стороны, его целью является извращение истины и препятствование ее прогрессу, — если, опять же, принципы его действия категорически противоречат не только Слову Божьему, но и самым элементарным максимами даже естественной морали, — тогда столь же ясно, что совершенство инструмента лишь увеличивает его фатальную силу, и справедливо соразмерно завершенности механизма будет возрастать смертоносность того вреда, который он нанесет обществу.

Теперь общепризнанной целью Ордена иезуитов является поддержка Римского престола. В первоначальном плане, представленном Лойолой папе Павлу III. было заявлено: “Общество Иисуса должно представлять собой обученное воинство, готовое в любое время сражаться за наместника Бога, Отца Святой Римской Империи, и за Римско-католическую Церковь, в которой только и есть спасение”. Этому заявлению о своих первоначальных намерениях Общество открыто придерживается и по сей день; и хотя их бесчисленные интриги против других Орденов очень ясно показали, что, заявляя о своем служении Папе, они преследовали скрытую цель, а именно, усиление и экзальтацию своего собственного Ордена, все же мы всегда должны рассматривать это как их заявленный замысел, и формировать нашу оценку цели Общества исходя из нашей оценки ценности Папства. Увы, есть те, кто, пробуя его с помощью этого теста, признал бы его цель хорошей; но, благодарение Богу! я искренне верю, что существует огромное и постоянно растущее множество людей, которых недавние события побудили подвергнуть папство испытанию Священным Писанием, и которые вышли из изучения с глубоким и неизгладимым убеждением, что Папа Римский является узурпатором его суверенитета; и что, следовательно, если это цель иезуитизма, иезуитизм должен быть плохим; и если это конец его действия, то чем лучше его механизм, тем хуже его воздействие на мир.

Все принципы Общества чрезвычайно трудно обнаружить или описать, поскольку, по-видимому, существует очень большая разница между системой, как она представлена в ее публичных документах, и как осуществляется на практике ее членами. В истории ордена есть бесчисленные факты, которые убедительно доказывают, что существует один кодекс поведения, на который мир должен смотреть, и другой - который мир должен чувствовать; униформа для инспекционных дней и простая одежда для обычной жизни. Конституции и другие признанные документы открыты для всего мира, но если мы захотим узнать, как будет действовать иезуит, когда он тайно втерся в доверие к нашей семье, или обнаружить какой-либо реальный моральный принцип, которым будет руководствоваться поведение такого человека, я полагаю, что мы окажемся в полной растерянности. У него есть свои собственные секретные инструкции от своего начальства, и то, в чем они заключаются, вероятно, никогда не будет известно за пределами Ордена, пока не наступит великий день, когда тайны всех сердец станут известны.

Поэтому мы должны довольствоваться лишь поверхностной информацией по этому вопросу; но в бесспорных признаниях Общества достаточно того, что поразит совесть любого честного человека. Это правда, что мы можем изучить только ее официальные документы, подготовленные для того, чтобы предстать взору мира, и что, когда мы изучим их все, мы узнаем лишь фрагмент системы; но в то же время мы узнаем достаточно, чтобы обнаружить, что для достижения своей цели Общество готово отбросить все предписания совести или Священного Писания; и мы также получим достаточно доказательств, чтобы обвинить Римскую Церковь в ужасной вине отказа от честности ради обеспечения власти и принесения в жертву моральных добродетелей ради достижения высшего господства.

ОРГАНИЗАЦИЯ.

Члены Общества распределены по следующим классам:—[10]

Исповедующие, которые, по сути, составляют реальную часть Ордена. Имущество Общества принадлежит им, и они имеют право только посещать общее собрание или голосовать на выборах Генерального. Все они священники, и ни один из них не допускается

додвадцатипятилетнего возраста. Они отличаются от других классов тем, что приняли четыре обета вместо трех, остальные поклялись в трех вещах, а именно в послушании, бедности и целомудрии, но исповедующие добавили четвертое обещание, а именно абсолютном повиновении Папе, как наместнику Христа.

Духовные помощники, в обязанности которых входит помогать исповедующимся в духовных делах; таких как проповедь, слушание исповедей, руководство колледжами и т. Д. Все они также должны быть священниками.

Светские помощники. Все это миряне, и в их обязанности входит занимать такие светские должности, которые могут потребоваться, чтобы продвигать цели Общества. Они действуют как слуги и младшие офицеры в Колледжах и других учебных заведениях; но при наличии квалификации их нанимают для выполнения более высоких и важных обязанностей. [11a] Ожидается, что они также будут влиять на своих соседей разговорами и другими способами. [11b] Они набраны из всех слоев общества, одни не умеют читать, а другие образованные люди. [11c] Ясно, что этот класс должен предоставить Обществу одно из самых эффективных его учреждений. Кoadъютор-мирянин может действовать в любом качестве, как торговец, государственный деятель, механик или что-либо еще, что его Начальник сочтет целесообразным, и может таким образом обеспечить себе мощное влияние, при этом никто не будет иметь ни малейшего представления о том, что по соседству с ним находится иезуит.

Одобренные ученые или те молодые люди, которые были отобраны как способные доказать свою пригодность для будущих целей Общества и проходят обучение в иезуитских колледжах. Хотя их образование еще не завершено, от этих ученых потребовали принять три обета и, более того, добавить обещание, что они будут готовы, когда потребуется, посвятить себя служению Обществу.

Те, чей будущий ранг еще не определен, но кто принят на работу при условии, что они будут использованы любым способом, который Общество сочтет наиболее подходящим для их талантов.

К этому списку мистер Даллер добавляет еще один класс, который он называет аффилированными членами, или дополнениями, и который, по его словам, включает даже женщин. [12a] Из его рассказа следует, что они связаны с Орденом договором о том, что со своей стороны они будут действовать как шпионы и агенты во всех своих контактах с теми, среди кого они живут, в то время как Общество взамен обязуется гарантировать им долю во всех тех духовных привилегиях, которые, как оно тщетно утверждает, являются прерогативой иезуитов. отдавать. [12b] Влияние этих аффилированных членов и непрофессиональных наставников, конечно, огромно. Они подобны тонким волокнам корня, силой которых питается все растение. Они придают Ордену всепроникающую силу. Они позволяют ему действовать, не вызывая ни малейшего подозрения о своем присутствии, проникать в самое сердце протестантизма и завоевывать доверие ничего не подозревающих тех, кого они хотят предать и погубить.

Все эти различные классы подчиняются абсолютной и бесконтрольной власти генерала. Это важное должностное лицо избирается пожизненно общим собранием, состоящим из представителей. Он проживает в Риме, и ему помогает небольшой совет, состоящий из определенного числа помощников и избранных представителей от разных провинций. Весь

мир разделен на округа, в каждом из которых назначается один помощник для руководства; эти округа снова подразделяются на “Провинции”, во главе каждой из которых стоит провинциал, назначаемый генералом на определенный срок, и в этих провинциях есть свои дома для исповедующих, во главе каждого из которых стоит проректор, свои дома послушников, колледжи, семинарии, а в протестантских странах - миссионерские дома, где их агенты живут незаметно как светское духовенство. Таким образом, повсюду существует наиболее полная система градуированных полномочий. Каждый иезуит имеет над собой определенного офицера, чьей власти он абсолютно подчиняется; и связь между ними настолько совершенна, что командование Генералом без промаха поражает, как электрическим током, самого отдаленного человека в Ордене. Провинциал или ректор в такой же степени подчинен власти, как священник или послушник; и существует тот же закон беспрекословного подчинения во всех званиях и сложных разветвлениях Общества; результатом чего является то, что генерал имеет под своим командованием преданную и хорошо укомплектованную армию, незаметно расквартированную в каждой стране известного мира и готовую в любой момент привести в исполнение свои замыслы. Те же самые механизмы одинаково эффективны при снабжении генерала информацией. От провинциальных жителей и других офицеров требуется направлять в штаб полные отчеты о своих нескольких округах. Характеры, приобретения, склонности, успехи, неудачи и, в некоторых случаях, даже признания участников регистрируются и о них сообщается. Ничто важное не может произойти на самом отдаленном аванпосте без того, чтобы отчет об этом не был направлен в Рим; и если это проливает свет на квалификацию какого-либо члена Ордена, это записывается против его имени, чтобы предоставить генералу представление с высоты птичьего полета о главных чертах характера каждого человека, находящегося под его командованием.

ГЛАВА II. ПЛАН ДЕЙСТВИЙ.

Имея в своем распоряжении такую организацию, ясно, что генерал редко может испытывать растерянность. Какой бы ни была требуемая услуга, выбрать наиболее подходящий инструмент и отправить его без промедления несложно.

Но описать их образ действий почти невозможно, поскольку он меняется в зависимости от любых обстоятельств и отличается в каждой местности.

Когда им разрешается обосноваться в какой-либо стране, двумя главными средствами достижения их цели, по-видимому, являются образование и исповедь. Затем они смело выходят вперед, обычно по двое, в длинных черных плащах, с которыми, к сожалению, должен сказать, наш английский глаз слишком хорошо знаком. Они публично основывают свои семинарии и колледжи, снабжая их первоклассными профессорами, обеспечивая таким образом себе начальное образование подавляющего большинства подрастающего поколения. Утверждается, что во Франции все колледжи и учебные заведения были переданы им правительством Луи Наполеона.^[15]

Вторым и наиболее влиятельным общепризнанным методом обеспечения влияния всегда была исповедь. Для этого священник-иезуит проходит тщательный инструктаж во время своей профессии, и благодаря этому он обладает, конечно, почти неограниченной властью. Великая цель состоит в том, чтобы получить должность духовника королей, государственных деятелей и

людей влияния; и утверждается, что до их подавления они таким образом завоевали слух и совесть почти каждого римско-католического короля в Европе. Очень страшно размышлять о том, каким образом было достигнуто это влияние. Исповедь всегда достаточно плоха; но каков должен быть ее эффект, когда священнику дается указание, вместо того чтобы сдерживать грех, приспособливать свое обращение к склонностям и порокам кающегося? Но это всегда было обвинением, выдвигаемым против иезуитов. Паскаль самым решительным образом обвиняет их в том, что они принижают принципы Евангелия, чтобы приспособить их к принципам мира. Он представляет священника-иезуита, который говорит: “Мы вынуждены позволить себе некоторую свободу, потому что люди в настоящее время настолько развращены, что, будучи не в состоянии заставить людей приходить к нам, мы вынуждены идти к ним. Именно для того, чтобы твердо придерживаться их, наши казуиты приняли во внимание пороки, которым человек наиболее подвержен во всех слоях общества, чтобы установить мягкие принципы, не затрагивая истины, с которой было бы трудно не согласиться”.

Обвинение Паскаля было полностью подтверждено, благодаря открытию “*Secreta Monita*”, или личного руководства исповедника-иезуита. Конечно, подлинность этой замечательной книги была опровергнута; ибо иезуит, как мы вскоре узнаем, может отрицать что угодно; но все же она была найдена в стольких независимых иезуитских учреждениях, что почти невозможно усомниться в доказательстве ее подлинности. В этих секретных инструкциях можно найти такие отрывки, как следующие: “Князьями и выдающимися личностями необходимо во что бы то ни стало управлять таким образом, чтобы они (иезуиты) могли завоевать их внимание, что легко завладеет их сердцами ... Поскольку церковники добиваются величайшей милости, потакая порокам великих, как в случае кровосмесительных браков и т. Д., Таких людей следует вселить в надежду, что с их помощью можно получить разрешение от папы, которое он, без сомнения, с готовностью предоставит” и т. Д. Опять же, “Их исповедники должны допускать большую свободу действий, чем исповедники других орденов, чтобы их кающиеся, привлеченные такой свободой, могли отказаться от других и полностью зависеть от их руководства и советов”.^[17]

Таковыми ужасными методами они пытались добиться внимания великих на исповеди; и мы не можем удивляться, что обретенная таким образом власть используется во многих случаях в самых гнусных целях. Даллер утверждает, что признания суверенных принцев всегда доводятся до сведения генерала, и нечто близкое к этому содержится в постановлениях Общества, где сказано, что “исповедники принцев должны консультироваться со своим начальством в сомнительных случаях”,^[18a] постановление, которое, конечно, позволяет им представлять генералу все, что им заблагорассудится. Как использовать полученную информацию, можно почерпнуть из “*Secreta Monita*”, где, среди других подобных отрывков, говорится: “Общество внесет большой вклад в свою пользу, разжигая и усиливая (но с осторожностью и секретностью) вражду, возникающую между принцами и великими людьми, чтобы они могли ослабить друг друга”.^[18b] Таковы принципы этого официально христианского учреждения, которое утверждает, что в высшей степени посвящено служению Богу, и даже называет себя “Обществом Иисуса”. Можно ли представить себе более вопиющее оскорбление того святого имени, под именем которого мы живем?

Но иезуит не зависит только от каких-либо открытых агентов: и он наиболее опасен, когда длинный плащ отброшен в сторону, и нет ничего очевидного, что отличало бы его от обычных людей. Тогда он сможет тайно втереться в доверие к совершенно ничего не подозревающей публике. Мистер Шейл заявил в Палате общин, что в Англии были толпы иезуитов. Но кто их

видел? и кто осознавал их присутствие? Разные историки утверждают, что они даже сражались в армии Кромвеля; и, чтобы добиться своей цели, переоделись в одежду строгих пуритан. [19a] Их принципы делают любой подобный обман вероятным, как мы увидим, когда продолжим исследовать их мораль. Тогда окажется, что в их совестливых угрызениях совести нет ничего, что мешало бы им принимать на себя какой-либо характер или олицетворять какие-либо принципы. Их цель - проникнуть в среду своих противников, подобно жидкости, впитывающейся в лен, а затем, когда придет время, взорвать все целиком и разорвать на тысячи лоскутков прочные и хорошо спрессованные волокна. Преследуя такие цели, они, по-видимому, не связаны никакими клятвами и не считаются ни с каким законодательством, кроме своего собственного. Они могут сражаться на обеих сторонах в одном сражении; некоторые в армии Кавалеров, а некоторые под командованием Кромвеля среди Круглоголовых. Они могут подписывать Уставы, хотя и не верят им; и даже нести священную службу служения, хотя их единственная цель - предать Церковь. Один человек может опустошить приходскую церковь, вызывая у людей отвращение римским церемониалом; в то время как его брат разбивает Несогласную паству, искусно возрождая какую-то забытую обиду. Они могут присоединиться к Антигосударственно-Церковной лиге в крестовом походе против истеблишментов, а затем протянуть правую руку исключительному Церковнику и присоединиться к нему в борьбе с Инакомыслием. Они могут расшевелить добровольцев, возбудив в них ужас перед беззаконием государственного патронажа и злом пожертвований, в то время как в тот же самый момент они пробираются на Даунинг-стрит и там шепчут на ухо министру, что для процветания Ирландии важно, чтобы пожертвование было отдано Мэйнуту. Короче говоря, везде, где есть истина, на которую нужно нападать, или друзья, которых нужно разлучать, — везде, где есть малейшая надежда укрепить Компанию, ослабив существующие силы или разорвав существующие связи, — везде, где есть перспектива отвернуться от честного человека из-за вкрадчивых предложений проницательного друга, — везде есть сфера для неосвященной деятельности учеников Лойолы.[20]

Таким образом, шаги Компании всегда можно было проследить по разобщенности, интригам, заговорам и контрзаговорам, фракциям и разделениям, которые неизменно возникали под их влиянием. Я не хочу утверждать ничего такого, чего не мог бы доказать; и, следовательно, сделав это утверждение, я завершу эту часть темы вызовом одного свидетеля, показания которого, во всяком случае, будут приняты романистами. Это должен быть не кто иной, как непогрешимый глава непогрешимой Церкви — не кто иной, как сам Папа Римский. Папа Климент XIV. был об иезуитах немногим лучшего мнения, чем мы, и 21 июля 1773 года он издал Буллу, выдержки из которой представляют собой следующие отрывки:

“Мы с прискорбием увидели, что ни эти средства, ни бесконечное количество других, примененных с тех пор, не оказали должного эффекта и не заставили замолчать обвинения и жалобы в адрес указанного Общества. Наши предшественники, Урбан VII, Климент IX и др., безуспешно прилагали все свои усилия к той же цели. Тщетно они пытались с помощью благотворных конституций восстановить мир в Церкви, а также в отношении светских дел, в которые Общество не должно было вмешиваться, как в отношении Миссий, которые вызвали большие споры и противодействие со стороны Общества, с ординариями, с другими религиозными Орденами, о святых местах и общинах всех видов в Европе, Африке и Америке, что привело к большой потере душ и большому скандалу среди людей; как, точно так же, в отношении значения и практики определенных идолопоклоннических церемоний, принятых в определенные места, выражающие неуважение к тем, которые

справедливо одобрены Католической церковью; и, кроме того, относительно использования и изложения определенных максим, которые Святой Престол обоснованно запретил как скандальные и явно противоречащие хорошей морали; и, наконец, относительно других вопросов, имеющих большое значение и первостепенную необходимость для сохранения целостности и непорочности доктрин Евангелия, из-за которых максимы привели к очень большим неудобствам и большому ущербу, как в наши дни, так и в прошлые века, таких как восстания и внутренние беспорядки в некоторых кафедральных штатах, гонения на Церковь и т. Д.

“После стольких бурь, неприятностей, разногласий каждый порядочный человек с нетерпением ожидал счастливого дня, который должен был восстановить мир и безмятежность. Но в царствование Климента XIII времена стали более трудными и бурными, жалобы и ссоры множились со всех сторон, кое-где возникали опасные мятежи, смуты, раздоры, рознь, скандалы, которые, ослабляя или полностью разрывая узы христианского милосердия, возбуждали у верующих всю ярость партийной ненависти и вражды. Опустошение и опасность достигли такой высоты, что те самые монархи, чье благочестие и щедрость по отношению к Обществу были настолько хорошо известны, что считались наследственными в их семьях, — мы имеем в виду наших горячо любимых сынов во Христе, королей Франции, Испании, Португалии и Сицилии, — оказались доведенными до необходимости изгнать из своих государств, королевств и провинций тех самых сподвижников Иисуса, убежденных, что не осталось другого средства от столь великого зла и что этот шаг был необходим для того, чтобы помешать христианам восстать друг против друга, а также для того, чтобы они могли противостоять христианам. и от истребления друг друга в самом лоне нашей общей матери, Святой Церкви.

“Руководствуясь столь многими и важными соображениями ... после зрелого размышления, мы, исходя из наших определенных знаний и полноты нашей апостольской власти, подавляем и упраздняем указанную Компанию. Мы лишаем ее какой бы то ни было деятельности, ее домов, школ, колледжей, больниц, земель и, короче говоря, любого другого места, принадлежащего указанной Компании каким бы то ни было образом, в каком бы королевстве или провинции они ни находились. Мы отменяем и аннулируем его уставы, правила, обычаи, декреты и конституции, даже если они подтверждены присягой и одобрены Святым Престолом или иным образом; мы объявляем аннулированными и упраздненными навсегда все виды власти, Генеральную, Провинциальную, для Приезжих и других руководителей указанного Общества, какой бы природы указанная власть ни была, как в духовных, так и в мирских делах”.

ГЛАВА III. СОЕДИНИТЕЛЬНАЯ СТЯЖКА.

Таковы организация и план действий этого таинственного Общества, и следующим предметом для исследования является связующий принцип его огромного механизма. Кратко это можно сформулировать как безоговорочное и слепое подчинение авторитету генерала или его подчиненных. Оплодотворить разум этим единственным принципом послушания, по-видимому, является главной целью иезуитского образования. Один из ученых иезуитов, с которым преподобный Х. Сеймур беседовал в Риме, заявил, что их “великий и кардинальный принцип заключался в том, что послушание было величайшим христианским долгом, а смирение

высшей христианской добродетелью, и что этот принцип был главным элементом их власти”. Более того, он добавил, что это “так глубоко укоренилось, что искоренить это было так же трудно, как искоренить веру в Бога или религию”. [24] Соответственно, когда новичок становится кандидатом на поступление, он должен пройти шесть методов испытания, некоторые из которых не могут иметь никакой другой цели, кроме как эффективно испытать полноту своего отречения. Сначала он должен пройти через духовные упражнения, которые будут описаны ниже; затем он должен провести месяц в больнице или среди любых других больных, которым он может быть назначен. Третье испытание состоит в том, что он должен на целый месяц остаться без денег и ходить от двери к двери, выпрашивая себе на хлеб. Четвертое, чтобы по возвращении в дом он выполнял там самые низкие обязанности. Пятое, чтобы он какое-то время занимался обучением молодых или невежественных. И шестое: в случае такого одобрения он должен какое-то время исполнять обязанности проповедника или исповедника. [25] Итак, очевидно, что третье и четвертое из этих испытаний не могут иметь иной цели, кроме как разрушить всякое уважение к частной воле и суждениям и проверить, до какой степени несчастная жертва подчинит свою душу воле своих коварных похитителей. Нет никакой моральной или религиозной цели, которую можно было бы достичь таким образом; обычный лакей чистил бы обувь лучше, чем опытный историк или философ; и совершенно невозможно представить себе какой-либо другой мотив для того, чтобы возлагать такие задачи на новичков (многие из которых являются опытными джентльменами, а некоторые, я боюсь, когда-то были священнослужителями нашей собственной Церкви и университетов), чем желание полностью сокрушить их в начале их карьеры, искоренить всякую индивидуальность воли и суждений и вывести их из подготовительного процесса готовыми выполнять волю своего Начальника, хотя его требования могут быть отвратительными для них. Вкус, противоречащий их суждению и прямо противоречащий их добросовестному убеждению в добре и зле.

Таким образом, *например*, когда послушник возвращается после месячного нищенства, чтобы выполнять черную работу в заведении, в печатных документах Ордена предусмотрено, что тошнотворная доза полностью воздействует на организм; поскольку было бы вполне естественно, что, когда повар обнаружит, что какой-нибудь высокопоставленный и образованный человек назначен на его кухню в качестве поваренка, он должен проявить по отношению к нему некоторую толику почтительной вежливости, правило Экзамена прямо предписывает обратное. “Было бы лучше, - говорится в нем, - если бы повар избегал мягкого стиля обращения с просьбой к новичку; пусть он скорее со скромностью прикажет ему сделать то или иное. Ибо если он говорит как просьба, то это мужчина, обращающийся к мужчине; таким образом, это будет повар—мирянин, просящий священника вымыть глиняный горшок или сделать что-либо в этом роде, что казалось бы неприличным. Принимая во внимание, что если он использует стиль приказа: ‘Сделай это—, ‘Сделай то”, — тогда сразу становится понятно, что он говорит как бы от имени и личности Христа: слышен не голос повара и даже не голос Начальника, а голос Господа”. [26]

Когда человек однажды подвергся такому процессу, нетрудно понять, что он должен выйти из него жалким рабом. Убедившись, что он должен рассматривать приказ повара как глас Господа, он, очевидно, готов принять указания Генерала как выражение той же Божественной и святой воли. Так, Лойола в своем письме о послушании, адресованном португальским домам в 1553 году и всего за три года до своей смерти, говорит: “Я хотел бы, чтобы каждый истинный сын Общества был известен по тому самому признаку, что он смотрит не на человека, которому он подчиняется, но что он видит в нем Господа Христа, ради которого это послушание

оказывается”. Беглый взгляд на такой отрывок ясно показывает, что послушание, подобающее совершенному, незапятнанному и неизменному Искупителю, безоговорочно передается несовершенному, близорукому и подверженному ошибкам Начальнику. Настоятель “сидит в храме и являет себя Богом”. Соответственно, в том же письме он добавляет: “Послушание должно быть оказано Вышестоящему не из-за его мудрости, доброты или любых других подобных качеств, которыми он может быть наделен, но исключительно потому, что он находится на месте Бога и обладает авторитетом Того, Кто говорит: ”Те, кто слышит тебя" и т.д.”.[27]

Теперь ясно, что очевидный вывод из такого принципа состоит в том, что если ни о каких моральных качествах не может быть и речи, и если Настоятель, поскольку он Настоятель, должен рассматриваться иезуитом как Бог, то, очевидно, должно быть сделано все, чего требует этот Настоятель, независимо от того, правильно это или неправильно, соответствует Писанию или нет, санкционировано или осуждено совестью индивида. Но также очень возможно, что могут возникнуть случаи, когда в вопросах мнения подчиненный может расходиться с решением своего Начальника, а в вопросах практики может испытывать сознательные сомнения при выполнении своих замыслов. Более того, очевидно, что, если Настоятель занимает место Бога, он имеет абсолютное право на немедленный отказ как от убеждений, так и от совести. В последней части “Духовных упражнений” есть любопытный отрывок, который доказывает, до какой степени от иезуита требуется отказаться от своего мнения или, вернее сказать, опровергнуть его. Эта книга была написана Лойолой, торжественно санкционирована в апостольском письме, после тщательного изучения, папой Павлом III., и ее перевод опубликован в 1847 году с примечаниями нынешнего генерала, отца Ротаана, и похвальным предисловием, написанным не кем иным, как “Николасом Уайзманом, д.д., епископом Мелипотамуса”; так что она имеет все санкции, древние и современные, которые Рим может ей дать. В нем мы находим восемнадцать “правил, которые необходимо соблюдать, чтобы мы могли мыслить вместе с Православной Церковью”, тринадцатое из которых заключается в следующем, и на него обращено особое внимание, потому что оно показывает не просто рабство, до которого доведен иезуит, но безрассудство в отношении истины, в котором он вынужден стать виновным: “Чтобы мы могли быть полностью того же мнения и в согласии с самой Церковью, если она определила как черное что-либо, что в наших глазах кажется белым, мы должны аналогичным образом объявить это черным.” [29] Считать его черным явно невозможно, но произносить его черным здесь объявляется обязанностью.

Предположим, что вопрос касался практики, и Настоятель потребовал бы от подчиненного иезуита какой-либо услуги, о которой этот подчиненный, если бы он осмелился подумать, был бы ясно убежден, что это неправильно с моральной точки зрения и с точки зрения Писания. Верно, что, согласно строгой букве Конституций, такая мысль невозможна, потому что принцип послушания там распространяется не только на действие, но и на суждение; так что истинный и добросовестный иезуит готов поклясться, что сами его мысли будут в гармонии с мыслями его Начальника. Но хотя совесть может быть иссушена, заставить ее замолчать очень трудно; и хотя софистика хитрых схоластов может запутать истину запутанными вопросами тонкой казуистики, существует четкая широкая линия разграничения между грехом и добродетелью, между добром и неправдой, и есть ясное знание этого широкого различия, столь незыблемо установленного среди руин нашей падшей природы, что почти невозможно представить даже иезуита в каких-либо реальных сомнениях, когда в тайнах своей собственной комнаты он спокойно размышляет над вопросом, является ли ложь правильной или убийство безупречным?

Но предположим, что Вышестоящий приказывает ему либо солгать, либо убить, что тогда? Совесть говорит: “Это грех”. Закон Божий говорит: “Это грех”. Настоятель говорит: “Это должно быть сделано”. Чему же тогда следует повиноваться? Мистер Сеймур задал этот вопрос своему другу-иезуиту в Риме. Человек, не колеблясь, утверждал, что Начальнику нужно повиноваться, а совестью пожертвовать, и добавил, что “он должен учитывать, что чем больше приказанное противоречит его личному суждению, противоречит его личным чувствам или ранит его личную совесть, тем больше пропорционально будет заслуга повиновения в таких тяжелых обстоятельствах”.[30] Но это, как можно было бы настаивать, было частным мнением отдельного иезуита, и, следовательно, не могло быть справедливо возложено на большую часть Общества. Очевидно, что это различие имеет огромное значение, поскольку в наше время мы знаем, как люди могут быть членами Церкви и в то же время откровенными предателями ее принципов; а также как всей душой мы категорически отвергаем тех, кто может торжественно прочитать Тридцать девять статей в the desk, а затем проповедовать прямо противоположное с кафедры. Поэтому было бы несправедливо присоединять к Ордену мнения отдельного человека, если только не будет доказано, что они полностью подтверждаются и санкционируются установленными и авторитетными документами Общества. Ничто, однако, не может быть яснее, чем то, что выраженные тогда чувства были чувствами не человека, а Ордена; ибо в Конституциях [31] четко указано, что “те, кто живет в повиновении, должны позволять своим Начальникам перемещать и направлять себя по Божественному Провидению, точно так же, как если бы они были трупом, который позволяет перемещать и направлять себя”. управляется любым способом или как посох старика, который служит ему везде, где бы и в какой бы вещи тот, кто держит его в руке, ни пожелал им воспользоваться“. Совершенно верно, что есть искусно вставленные исключения, в которых сказано: “Когда грех не осознается”; и “когда грех не может быть определен”. Но они полностью нейтрализуются контекстом; ибо как труп или персонал могут воспринять качество действия? и как иезуит может судить о курсе, которому он следует, когда в том же самом предложении прямо предусмотрено, что его послушание должно быть слепым, “со слепым послушанием отвергающим всякое мнение и противостоящим суждению нашего собственного”? Нет! Еще. Если он не подчиняется, но пытается хоть на мгновение сдержаться и сослаться на свое собственное убеждение, то во власти Вышестоящего в одно мгновение возложить на него тяжелое бремя смертного греха. Ужас вечного гнева отдан в руки Начальника и может быть обрушен с ужасающей тяжестью, чтобы сокрушить малейший признак сомнения или нерешительности в подчиненном. В Конституциях есть замечательный указ, который по-разному понимался разными авторами, и перевод которого, во избежание малейшей возможности противоречия, я привожу так, как этого требуют защитники Общества.

“Хотя Общество желает, чтобы все его Конституции и т. Д. Неукоснительно соблюдались, согласно Институту, оно, тем не менее, желает, чтобы все его члены были защищены или, по крайней мере, получили помощь от попадания в ловушку любого греха, который может возникнуть из-за силы любых таких Конституций или предписаний (“Ne in laqueum ulius reccati, quod ex vi Constitutionum и т. Д., При случае”): следовательно, это показалось нам благим в Господе, за явным исключением обета послушания папа Римский на данный момент и три других основных обета бедности, целомудрия и послушания заявляют, что никакие Конституции, декларации или жизненные правила не могут связывать под страхом смертного или простительного греха[32] (posse obligationem ad peccatum mortale vel veniale inducere).

“Если только Вышестоящий не может приказать им во имя Господа нашего Иисуса Христа, или в силу обета послушания; и это он может делать когда, и кому бы то ни было, он может счесть это способствующим либо индивидуальному благу, либо всеобщему благополучию Общества. И на смену страху оскорбления пусть придет любовь и желание всякого совершенства, чтобы за этим последовали еще большая слава и восхваление Христа, нашего Создателя и Господа”.

Чтобы бедный иезуит был вынужден совершить то, что, как он знает, является неправильным, по приказу своего Начальника. Он может ясно видеть, что это полностью противоречит всем принципам Священного Писания; его собственная совесть может с ужасом отвернуться от этого; его моральное чувство может полностью осудить это; он может ясно видеть, что он бросает вызов Всевышнему Богу; но он должен идти дальше, потому что ему велит его Начальник; его собственное суждение и моральное чувство должны быть принесены в жертву; он должен быть абсолютно слеп относительно характера действия, которое он собирается совершить; только одну вещь он волен видеть ясно, а именно, что если он осмелится колебаться, он будет виновен в смертном грехе. Конституция действительно говорит о любви ко всякому совершенству, сменяющей страх оскорбления; но в том же самом пункте она передает эту ужасную власть в руки Начальника и наделяет его всеми полномочиями принуждать своих подданных, вопреки их собственной совести, ужасающей угрозой вечной гибели их душ.

Теперь некоторым умам, возможно, придет в голову задаться вопросом, как можно обрести и поддерживать столь огромную власть над таким большим количеством талантливых, энергичных и хорошо образованных людей? Как получается, что цепь не разламывается на фрагменты, когда требуется выдерживать такое давление? Я полагаю, что этот феномен может быть частично объяснен силой тех религиозных принципов, которые извращены иезуитами для достижения своей цели. Они призывают к принципу, который должен быть подчинен воле Божьей, и, передавая его от Бога Вышестоящему, ухищряются увековечить свое господство. Но только на это они явно не могут положиться, поскольку используют два самых мощных инструмента; один в начале, а другой на протяжении всей карьеры иезуита, а именно изоляция и информация.

Если человеческий разум с его совестью, волей и суждениями должен превратиться в простую машину в руках другого человека, ясно, что должен существовать какой-то процесс, посредством которого независимость может быть навсегда уничтожена. Этот процесс заключается в том, чтобы отделить и изолировать его от его собратьев, оборвать все связи и союзы с внешним миром и таким образом внедрить его в Общество, чтобы оно и только оно было объектом его привязанности, источником его существования и сферой для его амбиций. Богу было угодно связать общество воедино священными узами естественной привязанности; и эти узы обладают столь мощным объединяющим влиянием, что, если их не разорвать, они образуют непреодолимый барьер для осуществления такой власти, какая требуется для Генерала. Следовательно, одним внезапным рывком они должны быть разорваны сразу и навсегда. При поступлении новичок должен поклясться, что он не будет поддерживать никаких контактов ни устно, ни по почте ни со своими друзьями, ни с родственниками, и что каждое письмо, которое он либо получит, либо напишет, будет проверяться его Начальником.^[35] Более того, от него требуется “отказаться от естественной привязанности” ко всем, кто связан с ним; и от него требуется соблюдать это неосвященное правило до такой степени, что, если кто-либо заговорит с ним о его родителях, ему предписывается отрицать существование этой связи.

“Поскольку привычка речи помогает привычке мыслей, святой заповедью является то, что они не должны говорить, что у них есть родители или братья, но что они у них когда-то были”.[\[36a\]](#) Общество со страхом исполняет пророчество об отступничестве, требуя от своих членов “непослушания родителям” и “отсутствия естественной привязанности”.[\[36b\]](#)

Однако недостаточно, чтобы новичок был таким образом отрезан от своих сородичей; ибо Общество никогда не сможет полностью контролировать его, пока он владеет собственностью; следовательно, один из их законов гласит, что либо немедленно, либо после годичного испытательного срока,[\[36c\]](#) новичок должен отказаться от всего своего имущества и отказаться от всех прав на любое имущество, которое может по крайней мере это время принадлежать ему или может впоследствии перейти к нему в дар, в результате торговли, по наследству или любым другим способом. Он может быть наследником бесчисленных тысяч, но, вступив в Общество, он отказывается от всего и оказывается абсолютно без гроша в кармане. С момента поступления он ничего не имеет; его суточные назначаются ему Вышестоящим Начальством и могут быть уменьшены или увеличены по своему усмотрению. С того дня, как он подчинился, и до своего смертного часа он зависит от своего Начальника в том, что касается дома, одежды, хлеба насущного. Он не может вернуться к какому-либо остатку своего наследия и быть свободным, ибо это наследие ушло навсегда. Оно не просто ушло, но стало настолько полностью отчужденным, что не оставило ему возможности для отступления. Лойола хорошо знал, что родительская любовь не должна угасать из-за временного заблуждения ребенка, и что в родительском доме страннику всегда рады. Поэтому он с большой предусмотрительностью предусмотрел, что собственность должна быть полностью отчуждена от семьи и передана бедным, “на благочестивые дела или любым достойным людям, которые будут использовать ее для продвижения служения Богу”,[\[37a\]](#) в которую, конечно, входит Общество иезуитов. Единственными лицами, которые исключены из участия, являются родственники, “для того”, как гласит правило, “чтобы новички могли показать лучший пример для всех классов отказа от чрезмерной привязанности к своим родителям и избежания неудобств, связанных с чрезмерным распределением, которое возникает из вышеупомянутой привязанности; а также чтобы они могли более твердо и устойчиво следовать своему призванию, когда все пути возвращения к своим родителям и родственникам, а также к бесполезным воспоминаниям о них, отрезаны”. [\[37b\]](#) Когда это сделано, зависимость иезуита от Генерала становится полной. Если он талантливый человек, он может быть поставлен им на первоклассное положение, где удовлетворяется любое желание; он может быть обеспечен достаточными средствами и представлен лучшему обществу; более того, у него может быть перспектива почти неограниченной власти, если он поднимется до высших рангов Ордена благодаря своим беспринципным способностям на службе. Но все это при одном условии безоговорочного и беспринципного повиновения. Если он осмелится сопротивляться, генерал может приказывать ему, без объяснения причин, стать слугой в монастыре, мусорщиком на улице или, возможно, миссионером на самом отдаленном и смертоносном посту Общества. Но почему бы не сбросить ярмо и не стать свободным? некоторые могут спросить. Но как ему это сделать? Стоит ему взбунтоваться против Генерала, и он отправится по миру скитальцем — без друзей, без гроша в кармане, бездомный, потерявший надежду. Если он находится в протестантской стране, дело обстоит иначе; ибо там есть теплые сердца, которые приветствуют его, и если однажды его искренность утвердится, найдется множество тех, кто любит Господа, кто был бы рад помочь ему в его борьбе и поддержать его в его усилиях стать свободным. Но предположим, что он находится в римско-католической стране, вся его репутация будет потеряна после его

ухода из своего Ордена; и если бы он бросился на тех, кто когда-то был его родственниками, они отнеслись бы к нему только как к человеку, который сначала отнял у них их законную собственность, а теперь, передумав, возвращается к ним ренегатом и отступником от веры. Следовательно, он вынужден идти дальше. Это может быть против его совести, против его суждений, против его глубочайшего чувства сыновней привязанности или его благороднейших принципов патриотизма или филантропии. Его могут призвать предать собственного брата или поднять мятеж против собственной королевы: но после того, как он дал клятву, отступать некуда, и если он не готов стать изгоем в мире, он должен согласиться делать то, что ему ненавистно, и использовать свои собственные таланты в действиях, которые он осуждает.

Но почему вера не возвышается над всем этим и не торжествует? В рядах этого огромного Общества должно быть много преданных и возвышенных людей; почему они не восстанут в вере и во имя Господа смело не сделают свой выбор и не скажут раз и навсегда: “Мы предпочли умереть, чем повиноваться и грешить”? Некоторые уже сделали это с успехом и благодаря вере одержали победу; сколько еще людей боролись за это, никто не узнает, пока не будут раскрыты тайны всех сердец. За этой изоляцией с самого начала следует постоянная система самого пристального наблюдения впоследствии. Этот шпионаж настолько строг и тотален, что для иезуита почти невозможно обдумать какую-либо мысль незамеченным. Не может быть более страшного свидетельства жалкого состояния железной неволи, до которого доведены добросовестные иезуиты, чем то, что было сделано для их обнаружения. Если они были довольны, зачем за ними следить? Но мы находим, что это один из принципов Ордена, что каждый иезуит должен шпионить друг за другом, и что все, что касается характера, должно передаваться каждым человеком Настоятелю. Когда молодой человек поступает в больницу, его особенно тщательно проверяют по этому самому пункту, и от него требуется не просто дать согласие на то, чтобы обо всем, что было замечено относительно его собственного характера, сообщалось, но и добавить свое обещание, что он сам будет действовать как шпион и информатор всех окружающих. [40a], при добавлении к которой им запрещено оставаться наедине, за исключением специальных сервисов. В римско-католических странах их всегда можно увидеть вдвоем, и говорят, что в некоторых колледжах молодые люди обязаны ходить втроем, чтобы, если двое в чем-то согласны, третий мог их обнаружить и предать. Следует помнить, что эти товарищи не избираются сами по себе, их не объединяет какая-либо симпатия или сердечное родство, но каждое назначение назначается Генералом; так что, если какой-либо молодой человек с нежной совестью и полным надежд духом отважится начать расспросы о великих принципах веры, нет ничего проще, чем приставить к нему какого-нибудь искусного и квалифицированного слугу Компании, который завоеует его доверие видимым сочувствием, а затем предаст все огласке. [40b] Более того, если он когда-либо получает или отправляет письмо без специального разрешения, его поступок рассматривается как смертный грех; обычный духовник также не может снять с него вину, но правонарушение должно быть передано в качестве отдельного дела Высшестоящему. [41] Представьте себе, каково было бы выбраться из такого рабства, когда каждое произнесенное вами слово, каждая прочитанная вами книга, каждый друг, с которым вы разговаривали, были замечены и доведены до сведения тех, кто имел абсолютную власть над вашими передвижениями. Но не только это. В глубоких тайниках души есть тайны, в которые не может проникнуть даже опытный шпион, и есть обыски в сердце, которые, если их не раскрыть добровольно, известны только человеку и Богу. Но у бедного иезуита не должно быть даже мысли, которую он мог бы назвать своей собственной. Это привилегия других римских католиков - выбирать своего собственного духовника, и они

могут пойти к священнику, которому они больше всего доверяют; но это не так с иезуитами. Как и во всем остальном, для него назначен духовник, и, конечно, именно такой, который лучше всего подходит для того, чтобы открыть тайны его сердца. Но даже этого недостаточно. Когда послушника принимают, его убеждают, что его исповедь священна и не подлежит разглашению, - момент, к которому римско-католический разум, естественно, особенно чувствителен. Но помимо исповеди, от иезуита требуется периодически проходить процесс, называемый проявлением его совести, в ходе которого каждое желание, мысль, страх, привычка, удовольствие, объект интереса должны быть открыты его Начальнику. Цель этого проявления, как указано на Экзамене, состоит в том, чтобы Вышестоящий мог быть ознакомлен как с внутренним, так и с внешним характером, чтобы он мог в любое время выбирать наиболее подходящих агентов для своих миссий или других служб, и чтобы таким образом он мог наилучшим образом обеспечивать благо всего Общества.^[42a] Поэтому совершенно ясно, что результаты этих проявлений, хотя и называются *скрытыми*, все передаются Генералу и получены именно для этой цели. Теперь перенесите свои мысли в эту исповедальную и предположите там добросовестного, пытливого иезуита. Это символ веры его Церкви, который он считает непогрешимым, что, если что-то утаивается на исповеди, отпущение грехов является недействительным, и что без отпущения грехов он остается под гневом Божиим. С этим убеждением он преклоняет колени перед коварным Отцом, который готов ловко вытянуть из него под давлением его религиозных убеждений все сомнения, которые когда-либо беспокоили его, каждую книгу, которую он когда-либо читал, и каждое мнение, которого он когда-либо придерживался по этому вопросу. Если в исповеди обнаруживаются какие-либо колебания, все это записывается и тщательно передается генералу в качестве отдельного дела.^[42b] Но если это всплывает в проявлении его совести, все это, как само собой разумеющееся, должно быть направлено в Рим. В результате через несколько недель молодого человека больше не видят; возможно, он уехал в какую-нибудь далекую страну; возможно, его отправили служить в какой-нибудь отдаленный монастырь; возможно, он оказался в подвалах инквизиции; возможно, он умирает. И все, что можно сказать, это то, что молодой человек ушел, — те, кто когда-то знал его, больше не знают его, — его место занял другой - он ушел.

Как же тогда молодому человеку порвать с иезуитизмом? и насколько глубоко мы должны сострадать бедной несчастной жертве такой чудовищной и порабащающей душу тирании? О! есть что-то невыразимо печальное в мысли о том, что в этот самый час тысячи разумных людей находятся в таком порабощении, и что первоначальным средством их порабощения было их истинное желание жизни вечной во Христе Иисусе. Я верю, что в стенах инквизиции творятся невыразимые ужасы, но гораздо лучше было бы, если бы безжалостный инквизитор терзал там бедное тело, пока совесть была свободна, а убеждению сердца повиновались, чем быть вынужденным всю жизнь оставаться рабом, и все же, по-видимому, свободным человеком; ответственным перед Богом за проступки и все же вынужденным грешить, потому что нет силы разорвать оковы, которые люди наложили на душу.

И что делает этот случай еще более печальным, так это то, что обеты часто даются в очень ранней юности. Мистер Сеймур утверждает, что, хотя некоторые вступают в Общество позже, подавляющее большинство обучается в семинариях Общества, и что многие принимают обеты в раннем возрасте восемнадцати лет. Когда это так, ясно, что несчастный новичок полностью обеспечен еще до того, как у него появится какая-либо возможность завязать знакомство с миром. Он отказывается от семейного счастья прежде, чем познает его радости, и отказывается от своей собственности прежде, чем узнает ее цену. В простоте своего

отрочества он постепенно впитывает принципы своего наставника и приучается считать послушание сутью христианства; и затем, как раз в тот момент, когда силы начинают развиваться, а ум проявлять свою силу в независимых действиях, ярмо надевается, и бедный пленник становится рабом на всю жизнь. Кроме того, в этом важном шаге ему не разрешен даже совет его отца. Бог учит молодого человека равняться на своих родителей и говорить: “Отец мой, ты - наставник моей юности”; но иезуит учит его отвергать такое руководство, и в секретных инструкциях Общества изложено следующее незаконное правило: “Пусть они будут строго предупреждены, чтобы они ни в малейшей степени не открывали о своем призвании никому из близких друзей, даже своим родителям, до того, как их впустят”.^[44]

Итак, если молодой человек таким образом отказывается от всего ради Общества — если имущество должно быть принесено в жертву, а родители брошены, — самое меньшее, что должны сделать честные люди, - это полностью и откровенно изложить ему всю систему. При любых обстоятельствах у него должна быть возможность хорошо обдумать последствия своего решения. Но поскольку он лишен возможности обратиться за советом к своему отцу, ему запрещено даже самому знакомиться со всеми Конституциями Общества; и я нахожу отрывок в начале экзамена, в котором прямо указано, “Что новичкам не следует читать все Конституции, а только сборник тех частей, из которых они могут научиться тому, что им самим предстоит делать”.^[45] Следовательно, его следует втягивать постепенно, шаг за шагом; ему никогда не дают увидеть всю систему целиком, чтобы он не отшатнулся от нее; но его ведут вперед, мало-помалу, пока он не запутается настолько, что не останется ни малейшей возможности возврата.

Поистине сердце горит при мысли о таком надругательстве над каждым законом природы, над каждым принципом христианства. Может ли это быть христианством, которое может прибегать к таким уловкам и может полагаться в своей силе на такой инструмент? Люди могут восхищаться иезуитизмом как красивым и отлаженным механизмом; они могут быть знакомы с отдельными иезуитами и питать большое уважение к их талантам, их приобретениям, их мягким и обходительным манерам; но пусть они посмотрят на великие факты системы в целом, на жестокий и деспотический аппарат, который действует на совесть его членов, на абсолютное подавление всех индивидуальных принципов и убеждений, на ранний возраст, в котором сангвиничные юноши запутываются и поработаются; и тогда пусть они решат, возможно ли, чтобы такая система имела успех. самая отдаленная связь с той славной свободой, которой Христос сделал нас свободными. Разве Евангелие не наполняет людей радостью и миром в вере? Разве оно не возвышает душу к сладкому и святому общению с Богом? Разве оно не очищает сердце и не делает совесть чувствительной к греху? И может ли это быть совместимо, я обращаюсь к любому римско-католику, с такой системой, как иезуитизм, которая захватывает молодого человека в возрасте восемнадцати лет, лишает его собственности, изолирует от дома, заглушает его совесть, закрывает перед ним всякую возможность побега, а затем отправляет его в общество, как мыслящий инструмент, действующий инструмент в руках его похитителя?

ГЛАВА IV. МОРАЛЬ.

Мистер Сеймур утверждает, что характер Общества в Риме заключается в высоком уважении к морали. Один из них сказал ему: “Нас обвинили в том, что мы хитрые интриганы, во вмешательстве в политику, во взбалмошных принципах, во взбалмошных королевствах, во враждующих семьях. Нас обвиняли во всем, кроме одного. Ни один мужчина никогда не

обвинял нас в личной безнравственности”. И мистер Сеймур добавляет, что это хвастовство, безусловно, справедливо в отношении римских иезуитов; настолько верно, что, хотя все люди в этом городе без колебаний осуждают другие монашеские ордена как праздные, распутные, распущенные, они никогда и шепотом не осуждают личную мораль иезуитов. Если бы мораль ограничивалась отсутствием распутства, я полагаю, что то же самое можно было бы сказать о личном поведении подавляющего большинства современных иезуитов; но если мы возьмем этот термин в его более широком и благородном смысле, как выражающий моральную волю Бога или отражение ее в моральном смысле, который все еще остается в сердце, несмотря на наше падение: если мораль донесет до нас идею чистоты, истины, честности, справедливости и всех тех благородных принципов, которые должны регулировать отношения человека с человеком, тогда, я полагаю, можно продемонстрировать, что Орден санкционировал принципы, которых достаточно, чтобы разорвать все моральные узы и, если они широко распространены, разрушить всю структуру общества. Я не имею в виду, что такие принципы смело провозглашены в их Конституциях и государственных документах, поскольку, конечно, их признание не отвечало бы их цели. Но их поддерживают и защищают их самые знаменитые авторы, и если мы только примем во внимание, что ни одному иезуиту не разрешается публиковать какую-либо книгу, предварительно не представив ее своему Настоятелю, то станет ясно, что Общество становится ответственным за каждую публикацию своих членов. Руководящие принципы Ордена лишают писателя его индивидуальности, и каждая публикация каждого человека из них становится официальным документом Общества. Она не может продолжаться без одобрения Генерала, и если у нее есть это одобрение, то Общество становится ответственным за свои настроения.[48]

Давайте возьмем один или два примера их моральных принципов.

Читатель, несомненно, слышал о доктрине вероятности, принцип которой заключается в том, что если какой-либо известный писатель рекомендовал определенное поведение, то это поведение, вероятно, становится правильным. Если какой-либо автор, особенно современный, высказал определенное мнение, то это мнение становится вероятным. Не имеет значения, какие доказательства имеются против него. Это может быть осуждено единодушным голосом всех честных людей, но все же это становится вероятным, если его защищает один человек.

Но что вытекает из этой вероятности? и какой вред наносится, если мнение считается вероятным? Действительно, почти немисливо, чтобы у кого-то хватило смелости выдвинуть такую максиму, которую можно найти в бесчисленных отрывках в трудах Ордена. Это не что иное, как это. Что если какое-либо мнение правдоподобно, его можно принять с чистой совестью, и если какое-либо действие, вероятно, правильно, человек может совершить его и быть безвредным, каким бы ни был его характер. Мистер Далтон цитирует следующий отрывок, среди многих других, из Джорджа Де Родса:[49] — “Авторитет одного хорошего врача является достаточной причиной, на которой основывается вероятность любого мнения; *так что каждый может безопасно следовать ему*”. Где, о, где хваленая достоверность римского учения? Мы слышим о людях, ищущих покоя во власти Рима, чтобы их душа могла быть удовлетворена уверенностью. А человеческий разум требует определенности; интересы вечности слишком серьезны, чтобы позволить людям оставаться довольными, если их единственная надежда заключается в сомнении или мнении. Но кто, мы можем смело призвать их ответить нам, обладает сейчас уверенностью — бедный несчастный человек, который плавает туда—сюда по целому морю иезуитских вероятностей? - или человек, который может поставить свою твердую

ногу на незыблемую скалу неизменного слова живого Бога и бесстрашно заявить: “Это несомненно, потому что это богодухновенно; это истина, потому что Бог открыл это в Библии?”

На первый взгляд кажется, что подобные принципы должны приводить к бесконечным затруднениям, и так и должно быть, если прежде не угаснет всякая любовь к истине. Но, с другой стороны, ясно, что они дают неограниченную свободу действий и, соотнося истину с постоянно меняющимся стандартом человеческого мнения, позволяют иезуиту оправдывать что угодно. Паскаль с большой силой излагает это в своих “Письмах провинциала”. Он предполагает, что отец-иезуит беседует с ним следующим образом: “Они, авторы, очень часто придерживаются разных мнений; но это не имеет значения; каждый высказывает свое собственное вероятное и достоверное мнение. Мы хорошо знаем, что у них разные взгляды, тем лучше. Напротив, они почти никогда не соглашаются. Существует очень мало вопросов, на которые вы не обнаружите, что один из них говорит “да”, а другой “нет”. Во всех случаях такого рода вероятны как одно, так и другое противоположные мнения. - Но, отец мой, - сказал я, - мы, должно быть, очень стеснены в выборе! Вовсе нет, - сказал он, - тебе нужно только следовать тому, что нравится тебе больше всего. Что? если другое более вероятно? Это не имеет значения, сказал он. А если другое более определено? Это не имеет значения, повторил отец; вот оно, хорошо объяснено. Это Эммануэль Са из нашего Общества в своем афоризме Де Дуби: “Мы можем делать то, что считаем законным, в соответствии с вероятным мнением, хотя обратное может быть более достоверным. Достаточно мнения серьезного врача. ’... У нас, безусловно, большие возможности, преподобный отец, - сказал я, - благодаря вашим вероятным мнениям. У нас прекрасная свобода совести. А вы, казуисты, обладаете ли вы такой же вольностью в своих ответах? - Да, - сказал он, - мы отвечаем так, как нам заблагорассудится, или, скорее, так, как заблагорассудится тем, кто советуется с нами, ибо вот наши правила, взятые от наших отцов, Мирян, Васкесов, Санчесов и других. Вот слова непрофессионала: ‘Врач после консультации может дать совет, не только вероятный, согласно его мнению, но и противоречащий его мнению, если он оценивается другими как вероятный, когда его противоположный совет считается более благоприятным и более приятным для человека, который консультируется с ним. Но я скажу больше, было бы совсем не плохо, если бы он высказал тем, кто консультируется с ним, мнение, которое какой-нибудь образованный человек считает вероятным, даже если он сам знал, что оно абсолютно ложно”.

Должны ли мы тогда отдать свои души под руководство таких учителей? Должны ли мы отказаться от чистой, ясной, безошибочной истины Священного Писания по приказу того, кто готов объявить черное белым, а белое черным по приказу своей Церкви? Я торжественно обращаюсь к любому римско-католику, в руки которого когда-либо попадет эта лекция, может ли это быть христианством? Может ли такая система быть от Бога? Является ли это Божественной и вечной истиной, которую вы ищете в Римской церкви? Нет, больше! Можете ли вы хоть в малейшей степени доверять какому-либо иезуиту, священнику или исповеднику, когда вам смело заявляют, что он может высказать вам мнение относительно великих забот о спасении вашей души, которое в тот самый момент, когда он высказывает его, он в глубине души знает, что оно абсолютно ложное?

Но их принципы двусмысленности, ментальных ограничений и направления намерений в равной степени подрывают все, чему можно доверять среди людей.

Под двусмысленностью они подразумевают использование терминов настолько двусмысленного характера, что слушающий воспринимает их в одном смысле, в то время как говорящий использует их в другом.

Под ментальным ограничением понимается подавление определенных частей предложения, с тем чтобы придать остальной части значение, противоположное истине. Паскаль цитирует следующий отрывок из некоего Санчеса: “Человек может поклясться, - говорит он, - что он ничего не делал, хотя на самом деле он это сделал, имея в виду про себя, что он не делал этого *определенный день или до своего рождения*, или понимая какое-то другое подобное обстоятельство, не позволяя ему каким-либо образом проявиться через используемые слова! и это, - добавляет он, - очень удобно во многих случаях и всегда совершенно правильно, когда это необходимо для здоровья, чести или интересов”.

Под направлением намерения понимается предложение самому себе объекта намерения, полностью расходящегося с совершаемым действием: как, *например*,, иезуиты в Южной Индии поощряли своих новообращенных преклоняться перед языческими идолами, исходя из принципа, что, хотя акт поклонения совершался идолу, намерение было направлено на маленькое распятие, которое каждый из верующих прятал при себе. Таким образом, утверждает Паскаль со своей острой сатирой, “Они удовлетворяют мир, разрешая греховные действия, и они удовлетворяют Евангелию, очищая намерения”. “Вы предоставляете людям, ” говорит он, “ внешние и материальные последствия действия, а Богу передаете внутреннее и духовное движение намерения: так что этим справедливым разделением вы создаете союз между человеческим законом и Божественным”. Итак, во всем перечне преступлений нет ничего, что не могло бы быть оправдано таким чудовищным принципом. Паскаль цитирует отрывки, чтобы показать, что человек может даже совершить убийство, при условии только, что его намерением является сохранение своей чести, а не месть своему врагу; и нет ни одного из самых ужасных преступлений, когда-либо позоривших человечество, которое не могло бы быть оправдано, если мы признаем идею, что поступок может быть отделен от воли; что сердце может быть чистым, в то время как рука осквернена кровью, или намерение, угодное Богу, в то время как внешнее действие прямо противоречит его закону.

Таковы образцы принципов морального поведения, выдвигаемых писателями Общества. С первого взгляда становится ясно, что они разрушают все моральные обязательства и дают неограниченную свободу любому виду преступлений. Теперь это вопрос, представляющий очень большой интерес, насколько Римская церковь как орган отождествляется с принципами иезуитов? Я не говорю, насколько далеки романисты как личности, потому что я полностью осознаю, что добросовестный романист отшатнулся бы от них с таким же отвращением, как и мы сами. Это не приятный вопрос спорной теологии, а простой вопрос правильного и неправильного; и что бы люди ни думали по такому вопросу, как пресуществование, ни один порядочный человек не может одобрить умственных ограничений. Поэтому я считаю само собой разумеющимся, что большая часть англичан-католиков осуждает их. Но как они влияют на Церковь как Церковь? Уже было показано, что, поскольку Общество претендует на абсолютный контроль над всеми авторами-иезуитами, оно, таким образом, становится ответственным за их чувства. Но до Папства это все равно не доходит; виновата может быть Компания, а не Папство. Но это не так, когда мы обнаруживаем, что 4 августа 1814 года папа Пий VII издал Буллу, в которой папской властью торжественно санкционировал восстановление Ордена. Верно, что эта Булла находилась в прямом противоречии с Буллой Климента XIV, так

что один непогрешимый папа был в прямой оппозиции к другому.[55] Но это не наша забота — не наше дело решать, кто из двух непогрешимых был неправ, — все это мы можем оставить тем, кто верит в их непогрешимость. Единственным важным фактом для нас является то, что папа Пий VII восстановил Орден в 1814 году, и что его Булла по сей день остается нераспечатанной в архивах Ватикана. Также важно отметить, что он сделал это, полностью принимая во внимание эти моральные чудовищности. Конечно, как непогрешимый человек, он должен был знать доктрину иезуитов благодаря простой силе своей собственной непогрешимости; но даже если бы это его подвело, в архивах Ватикана у него были слова Климента, в которых отчетливо говорилось: “И далее, относительно использования и изложения определенных максим, которые Святой Престол обоснованно запретил как скандальные и явно противоречащие хорошей морали”. Таким образом, наше тяжкое обвинение против Папства состоит в том, что, четко имея в виду все эти факты, папа наложил свою печать и санкцию на Компанию. Он постановил, что эти его письма должны “неукоснительно соблюдаться во все грядущие времена”, и, соответственно, по сей день они остаются в силе. Он заявляет, что ему следовало бы “считать великим преступлением против Бога, если бы среди этих опасностей христианской республики он пренебрег вспомогательными средствами, которые особое провидение Божье предоставило в его распоряжение”; преступлением, то есть пренебрегать помощью Ордена, который разрушает истину доктриной вероятностей и дает свободу каждому греховному действию с помощью распушенной теории, согласно которой посреди преступления намерение может быть чистым. Таково ли это оружие и таковы ли принципы, на которые опирается Римская церковь для поддержания власти? и если это так, — я бесстрашно задаю вопрос, - может ли это быть Церковью Божьей? Не смущайте сейчас свой разум несколькими сложными текстами или приятными тонкостями острых полемистов. Но взгляните на великие, широкие и общепризнанные черты иезуитской морали; а затем посмотрите на папство, опирающееся в поисках поддержки на тот самый Орден, хотя все его принципы открыты и выставлены напоказ перед миром, и решите, может ли это Папство быть Супругой Христа? — может ли это быть истиной Божьей, которая опирается на такую систему для своей поддержки? — может ли он быть наместником нашего благословенного Господа, который дает свою безоговорочную санкцию Обществу, действующему на таких принципах? к группе людей, самасуть системы которых заключается в том, что они готовы объявить черное белым, а белое черным по приказу папы Римского? [57]

ГЛАВА VI. РЕЛИГИЯ.

Кажется странным упоминать святое имя религии в связи с такими принципами, как вероятность и намерение, и первое побуждение сердца - воспрянуть в святом негодовании и заявить, что совершенно невозможно, чтобы религия могла иметь какое-либо отношение к такой системе. Но такой вывод был бы явно неправильным; ибо факты не только доказывают, что существует определенный религиозный принцип в действии, но, я полагаю, можно показать, что такие результаты не могли быть достигнуты иначе, как силой униженного и извращенного христианства. Это утверждение может кого-то поразить, но я верю, что при расследовании оно будет признано верным, что в голом, бесплодном, беспросветном Неверии меньше силы, способной разрушить мораль человека, чем в Евангелии, униженном и

оскверненном в соответствии с его целями. Неверность не дает никакой подачки совести, никакого хлороформа, чтобы уничтожить чувство греха, и не может полностью искоренить моральное чувство, как бы прискорбно это ни жгло и омертвляло его. Но иначе обстоит дело с униженной религией. Она подавляет совесть, противопоставляя ей ложные принципы мнимого христианства. Оно порождает определенные максимы, на превосходство которых претендует, поскольку утверждает, что они исходят от Христа; и самим авторитетом, который они черпают из незаконного присвоения этого святого имени, оно попирает моральное чувство и оставляет извращенца готовым к любой чудовищности, которая может потребоваться. Поэтому я лично не сомневаюсь, что значительная часть Общества иезуитов - в каком-то смысле религиозные люди; и мы не можем смотреть на историю иезуитских миссий, на их неутомимое рвение, неутомимое самоотречение, терпеливую выдержку и, в некоторых случаях, радостное мученичество, без убеждения, что глубокое религиозное чувство было более или менее их движущей силой. Но более того, вы можете увидеть это даже в их преступлениях; вы можете получить там самую совершенную иллюстрацию только что сделанного утверждения о том, что извращенная религия может быть привлечена для санкционирования тех преступлений, которые неверующий без религии не осмеливается совершить. Взгляните, например, на письмо сэра Эверарда Дигби своей жене, написанное, когда ему был вынесен смертный приговор за Пороховой заговор, в котором он говорит: “Что касается моего намерения, позвольте мне сказать вам, что если бы я думал, что в этом заговоре был хоть малейший грех, я ни за что на свете не стал бы участвовать в нем, и никакая другая причина не заставила меня рисковать своим состоянием и жизнью, кроме ревности к религии Бога”.[59] Взгляните еще раз на замечательный факт, что эти заговорщики получили торжественную мессу от отца-иезуита по имени Джерард, когда они торжественно поклялись внести свой вклад в заговор; и что весь план был известен Гарнетту, провинциалу Общества.[60] Таким образом, торжественная санкция смерти и страданий Господа была наложена на всю огромную вину за это давно спланированное и массовое убийство.

Но тогда возникает вопрос, каким может быть извращение христианства, которое может привести к такому отказу от морального чувства? Полный ответ на этот вопрос мог бы занять несколько томов; но есть один корень, к которому, я полагаю, можно проследить все; и хотя на первый взгляд этого может показаться едва ли достаточным, чтобы вырастить такое огромное дерево Упас, все же я верю, что на самом деле из него выросло целое растение; я имею в виду замену человека Богом в великом деле руководства душой и спасения.

Уже процитированные отрывки очень ясно доказывают эту замену со ссылкой на руководство иезуита; но если бы в этом были какие—либо сомнения, они были бы устранены профессиональной клятвой, в которой она дается: “Я, Н., исповедую и обещаю Всемогущего Бога перед его Девственной Матерью, и перед небесным воинством, и перед всеми присутствующими, и перед вами, преподобный Отец, Генерал Общества Иисуса, *занимающий место Бога*”. Таким образом, происходит двойная передача Божественной власти. Папа стоит между генералом и Богом, а Генерал - между иезуитом и Папой. Существует двойное делегирование Божественных полномочий: говорят, что Господь дарует их Папе, папа дарует их генералу, а затем иезуит клянется в самый торжественный момент своей жизни, что генерал “занимает место Бога”. И каким должен быть необходимый результат? Эта моральная истина больше не извлекается из источника истины, но из испорченного, замышляющего, человеческого авторитета, который стоит между Творцом и душой. Божественный закон затемняется, на его место принимается человеческая воля. Результатом такого изменения,

очевидно, должно быть то, что характер тела должен стать простым отражением характера головы; что его испорченность займет место Божественных совершенств; и его планы, какова бы ни была их природа, считаются идентичными славе Господа. Следовательно, сама религия иезуита готовит его к любым отчаянным мерам при условии, что только его Начальник даст на них свое разрешение; и чем больше его душа чувствует серьезность, тем более готовым он будет броситься на любые действия, если только его голова, человек, столь же подверженный ошибкам, как и он сам, и, возможно, более развращенный, отдаст приказ и санкционирует грязный поступок своим авторитетом.

Есть послушание, но, будучи перенесенным на неправильный объект, правильный принцип приводит к порочному результату. Есть рвение, но все это расходуется на осуществление планов интригана, вместо того чтобы подняться высоко к благословенному концу стремления к Божьей славе. Существует некоторый страх перед Богом, но им руководит не сам Бог, а Настоятель; и отсюда следует, что иезуиты, хотя они и отвергают практическое использование Священного Писания, на самом деле подтверждают его истинность; ибо они выступают как живые свидетели непреложной истины того замечательного отрывка, который связывает отчуждение сердца с заменой Божественного наставления человеческим и говорит: “Этот народ приближается ко мне своими устами, и их уста почитают меня, но сердце свое удалили от меня, и их страх передо мной внушается наставлениями человеческими”.[\[62\]](#)

Точно такая же замена Бога человеком происходит и в великом деле спасения грешника; и можно сказать, что из этого, как из корня, истекает вся остальная система. Лойола, как хорошо известно, упорно боролся за мир. Глубоко убежденный в грехе, он прошел через душевные муки в поисках жизни; и, не сумев найти ее такой, какой ее открыл Бог, в свободной благодати и полном искуплении, он совершил отчаянный шаг в иезуитство, результатом которого стало создание Ордена. Его книга “Духовные упражнения”, написанная вскоре после конфликта, до сих пор является постоянным трудом в области личной религии иезуита. Читатель уже был проинформирован о высоком авторитете, с помощью которого она была представлена британской публике, но мало кто из тех, кто не знаком с механическим характером всей римской системы, будет готов к печальной замене Божьей благодати человеческими действиями, которая пронизывает и предисловие, и саму книгу. В книге содержится план прохождения новичком своего рода духовной практики за двадцать восемь дней; точнее, во времена Лойолы это составляло двадцать восемь дней; но сейчас мы путешествуем по железным дорогам, и все происходит быстро, так что кардинал Вайсман заявляет в своем предисловии, что двадцать восемь дней теперь могут быть сокращены до десяти.[\[63a\]](#) Теперь узнайте, чего можно достичь за эти десять дней. Кардинал говорит: “Это не трактат о грехе или добродетели; это не метод христианского совершенствования; но в нем содержится вся практика совершенствования, позволяющая нам одновременно победить грех и приобрести добродетель”.[\[63b\]](#) Итак, вопрос глубочайшего интереса заключается в выяснении процесса, посредством которого грех должен быть побежден за двадцать восемь, или нами, современными, за десять дней. Это секрет, за открытие которого отягощенная грехами совесть отдала бы многие миры, если бы они у нее были. Но на самом деле это очень глубоко трогает - обратиться к книге и увидеть полную пустоту всей схемы. По словам кардинала, “он разделен на четыре недели, и каждая из них преследует свою конкретную цель - продвинуть занимающегося на дополнительный шаг к совершенной добродетели. Если работа каждой недели будет тщательно выполняться, это действительно будет достигнуто”.[\[63c\]](#)

Цель первой недели, согласно тому же авторитетному источнику, “состоит в очищении совести от прошлых грехов и привязанностей от их будущих опасностей”. И как достичь этого грандиозного результата? как очистить совесть от прошлого и гарантировать привязанности на будущее? Как может хрупкое и колеблющееся сердце человека так очиститься за одну неделю, что оно отправится в мир испытаний и искушений, “очищенное от будущей опасности”? Действительно, на сердце становится грустно читать о жалком и прискорбном отсутствии всего, что Евангелие предусмотрело для грешника. Лойола знал, что такое грех, и горько ощутил его жало, так что есть трогательные признаки искренности глубокого внутреннего конфликта, который происходил в его душе. Но самое печальное во всем этом деле то, что нет и намека на единственное лекарство. Нет ни единого отрывка, в котором обеспокоенная совесть обращалась бы к искуплению, как Божьему промыслу о добровольном прощении человека; ни единого намека на защиту Господа и никакого упоминания ни имени, ни служения Святого Духа. Но, несмотря на все это, во время ретрита необходимо соблюдать определенные правила. Если вопрошающий занимается бизнесом, он должен быть удовлетворен тем, что ежедневно посвящает работе полтора часа. [64a] Если у него больше досуга, ему предписывается “переселиться из своего прежнего жилья в какой-нибудь более секретный дом или камеру”; [64b] находясь там, он “лишать себя от всего яркого света, закрывающего двери и окна до тех пор, пока он остается там, за исключением тех случаев, когда ему нужно читать или принимать пищу”. [65a] Ему “ни на кого не смотреть, если этого не требуют обстоятельства приветствия или прощания”; [65b] “он должен делать покаяние постом, ограничением часов сна и использованием власяницы, веревок, железных прутьев и кнутов”; но “предпочтительнее кнуты из маленьких веревок, которые повреждают внешние части тела, а не внутренние, чтобы нанести вред здоровью”. [65c] Ему предоставляется руководство, помогающее ему в медитации и самоанализе; и, прежде всего, он отдает себя под руководство и авторитет руководителя, “ибо, ” говорит доктор Уайзман, - жизнь в хорошем ретрите - это хороший руководитель”. [65d]

Закончив с этим прибором, он приступает к работе, и ему поручают нарисовать диаграмму, подобную следующей, содержащую семь пар линий, по одной паре на каждый день. [65e]

Они должны быть использованы для измерения его грехов. Он должен запомнить и подсчитать, сколько раз он ошибался, и дважды в день отмечать одинаковое количество очков в соответствующей строке серии. Итак, каков результат дисциплины за первую неделю? Читатель заметит, что строки становятся с каждым днем все короче и короче, пока, наконец, в конце одной-единственной недели, по словам доктора Уайзмана, “грех- это [66a] покинутый, ненавидимый. По завершении мучительной задачи душа оказывается поверженной и полной тревог. Прошлое исправлено; но что нужно сделать для будущего?” [66b]

Таково описание, данное этим высоким авторитетом этой жалкой механической подделки христианства. Что происходит с глубоко укоренившейся испорченностью человеческого сердца? Где находится работа Духа? И если совесть можно было очистить, а прошлое исправить с помощью такой ничтожной человеческой хитрости, то где, о, где была необходимость в искуплении? и какая была необходимость в том, чтобы Эммануил пролил свою драгоценную кровь на кресте?

Но разве это не подтверждает обвинение, которое я выдвинул против системы, в замене человека Богом при спасении грешника? Что побеждает грех в первые два с половиной дня ретрита? Это Спаситель? Это Дух? Или это человек? Вайзман говорит: “Это работа каждой недели, выполняемая тщательно”. [66c]

К этому единому руководящему принципу можно без труда проследить весь иезуитизм; и если это так, мы, несомненно, сможем изучить единственное оружие, с помощью которого ему можно противостоять и победить. Зло берет свое начало в замене Бога человеком, и поэтому оружием, с помощью которого ему следует противостоять, является возвеличивание самого Господа как единственного виновника спасения души. “Превозносись, о Боже, своей собственной силой, и мы будем петь и восхвалять твою мощь”. Бушует великий конфликт. Эти хитрые противники заполняют страну; против нас выстроена огромная сила; враг активен, хорошо скомбинирован и беспринципен; но их нельзя встречать их собственным оружием; ибо

мы предпочли бы, чтобы все, что нам дорого, было растоптано в мельчайшей пыли, чем добиваться самых блестящих побед с помощью единственного оружия, взятого из их арсенала. Мы предоставляем им исключительное использование всех их возможностей и готовы встретить их без хитрости или маскировки, но с простым, честным, откровенным поведением честных слуг Господа; мы должны быть удовлетворены тем, что сражаемся в силе Господа и используем оружие Господа. Нам также не нужно бояться конфликта. Я охотно признаю, что их человеческий механизм превосходит наш; их свобода действий более совершенна, а их комбинация более совершенна. “Но египтяне - люди, а не Бог, и их лошади - плоть, а не дух”. Они во всей своей системе были виновны в замене Бога человеком; но нашарадость - возвеличивать Бога на его собственном троне; и наше определенное ожидание - восторжествовать благодаря мощи его собственной десницы. Это правда, что они могут призвать себе на помощь бесчисленные ухищрения человеческой хитрости, но наше оружие намного превосходит все остальные, ибо оно от самого Господа, это меч Духа, который есть Слово Божье. Нельзя отрицать, что они могут принять любое обличье и проникнуть в ничего не подозревающую семью; но наша надежда - на силу Духа, для которого само сердце открыто как день. Они действительно могут встретиться с нами и, возможно, превзойти нас в своих разнообразных средствах интеллектуального образования, они могут быть могущественны за кафедрой и привлекательны на исповеди, но у них нет проповеди, которая имела бы и тысячную долю нашей красоты, ибо, если они не изменяют своим собственным принципам, они никогда не смогут провозгласить встревоженным грешникам совершенное искупление и безвозмездное прощение через кровь Агнца. Действительно, многое можно понять в их тесном сочетании под умелым руководством хорошо назначенного полководца; но ни один полководец на земле не может сравниться с Предводителем воинств Господних, которого сам Бог с самого начала поставил особняком, чтобы он был “вождем и военачальником народа”. Только давайте будем верны этому благословенному Учителю, чья его слово, полагаясь на Его Дух, всегда проявляя его благодать; и настанет время, столь же несомненное, сколь истинно слово Божье, когда вся ткань иезуитства расколется на куски; когда исполнится пророчество: “Объединяйтесь, и вы будете разорваны на куски, когда торжествующий крик раздастся с небес и разнесется громким эхом из возрожденного мира: ”Мы благодарим тебя, о Господь Бог Всемогуший, за то, что ты прибрал к себе свою великую силу". , и ты воцарился".

Macintosh, Принтер, Грейт-Нью-стрит, Лондон.

АВТОР ТОТ ЖЕ АВТОР.

ИСКУПЛЕНИЕ, КАК УЧИТ АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Проповедь, произнесенная перед членами Ислингтонского протестантского института. Цена 6д.

ПАПСТВО - ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА К ЕСТЕСТВЕННОМУ СЕРДЦУ. Лекция, прочитанная перед Институтом. Цена 1s.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОЙ БИБЛИИ. Лекция, прочитанная перед институтом. Цена 1s.

Дж. Х. Джексон, Ислингтон-Грин и Патерностер-Роу.

КРОМЕ ТОГО, АВТОР ТОТ ЖЕ.

БИБЛЕЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ НАШЕЙ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКВИ. Второе издание. Цена 3с.

ВРЕМЯ КОНЦА, или Мир, Видимая Церковь и народ Божий при Пришествии Господа. Четвертое издание. Цена 1с. 6д.

ПРИЧАСТИЕ И ПРИЧАЩАЮЩИЙСЯ; практический трактат для тех, кто интересуется Тайной Господней. Второе издание, значительно дополненное. Цена 4д., или 3с. за дюжину.

Хэтчард, Пикадилли.

КРЕЩЕНИЕ, КАК УЧАТ БИБЛИЯ И МОЛИТВЕННИК. № 6, Трактаты для церковников. Сили.

СНОСКИ.

[10] Экзамен. глава i.

[11a] Экзамен. глава vi. 3.

[11b] Экзамен. глава vi. 4.

[11c] Экзамен. глава vi. 1.

[12a] Иезуиты Даллера.

[12b] Эти привилегии не имеют обычной ценности, что подтверждается тем фактом, что любые лица любого пола, которые раз в год посещают любую церковь или благочестивое место Общества в определенный день, назначенный Генералом на данный момент, между первой вечерней и заходом солнца, а затем повторяют Молитву Господню и приветствие ангелов, могут получить полное собрание членов Общества. снисхождение и отпущение всех их грехов. - "Апостольское послание папы Павла III", стр. 49. Антверпенское издание.

[15] Циркуляр Общества иностранной помощи.

[17] "Секрет Мониты", глава ii., 2, 8.

[18a] Ордин. глава xi., § 2.

[18b] "Secreta Monita", глава i. xvii. 8.

[19a] Нил приводит следующий любопытный отрывок из письма английского иезуита ректору колледжа в Брюсселе: "Я не могу удержаться от смеха, видя, как некоторые из наших собственных мундиров украшают себя; и восхитительно, как в речи и жестах они ведут себя как пуритане. Кембриджские ученые, опираясь на свой печальный опыт, увидят, что мы можем действовать с пуританами немного лучше, чем они действовали с иезуитами. Они оскорбили нашего священного покровителя в шутку, но мы заставим их ответить за это всерьез". — "Пуритане" Нила, том i, стр. 515.

[20] Преподобный Хью Стоуэлл недавно упомянул автору следующее обстоятельство. Джентльмен по фамилии Бридж поселился в Солфорде с тремя дочерьми. Он производил

впечатление умного и активного человека и, будучи убежденным консерватором, через некоторое время был назначен секретарем Манчестерской ассоциации консерваторов. С этого времени появились основания полагать, что планы Ассоциации были преданы, когда однажды утром другой джентльмен по имени Бридж, также проживающий на Солфорд-Кресцент, чье христианское имя начиналось с той же инициалы, что и у другого, получил письмо из Колледжа иезуитов в Риме, в котором давались ему подробные указания относительно того, каким образом он должен вести дела Ассоциации. Мистер Бридж, получивший письмо, переслал его своему соседу, и секретарь консерваторов в тот же день исчез с Солфорд-Кресцент.

[24] “Паломничество в Рим”, глава vii.

[25] Первичный экзамен переменного тока, глава IV., §§ 9, 10, 11, 12.

[26] Экзамен, глава. IV., § 30.

[27] Лойола Тейлора.

[29] В переводе слово “белый” самым остроумным образом заменено на “черный”, что явно противоречит как смыслу, так и латыни. Чувство в том виде, в каком оно было выражено на самом деле, вероятно, считалось слишком жестоким для честности английского характера.

[30] Паломничество в Рим.

[31] Часть VI., глава i., § 1.

[32] Читатель сразу увидит, что приведенный выше перевод неверен в соответствии с обычными правилами латинского языка. Слова “obligare ad aliquid” означают “обязать человека сделать что-либо”, и поэтому автор Конституций использовал их в третьей главе. и 5-я глава “Экзамена”, где выражение “Obligare ad matrimonium” явно означает “обязать вступить в брак”. Таким образом, перевод, который был дан в первом издании, а именно: “может привести к обязательству совершить смертный или простительный грех”, несомненно, верен. Но в книге и у некоторых других схоластических авторов есть отрывки, в которых фраза “obligatio ad peccatum” используется для передачи идеи о том, что обязательство носит такой характер, что делает непослушание грехом; и поскольку возможно, что фраза может быть именно так использована в этом отрывке, я привел версию, которую желают друзья Общества. Я не могу, однако, думать, что обычные правила учености должны быть полностью отброшены в сторону или что истинное значение слов вообще исключено из перевода; и я подтверждаю это мнение ссылкой на декрет в указателе недавно приобретенного экземпляра, который был опубликован в Риме в Коллегии Общества в 1615 году н.э. и который, как можно предположить, передает истинное значение Конституции. В этом указателе на этот отрывок дана следующая ссылка: “Superiores possunt obligare ad peccatum в добродетельном послушании, quando id multum conveniat”. Естественным предшественником “id” явно является “peccatum”, и в этом случае перевод должен быть таким: “Начальство может обязать согрешить в силу послушания, когда это (грех) особенно удобно”. Если смысл не в этом, то какой повод мог бы быть для “множественного удобства”? Но, в любом случае, декрет настолько плох, что этот вопрос едва ли стоит обсуждения.

[35] Экзамен, глава iv. 6.

[36a] Экзамен. iv. 7.

[36b] 2 Тим. iii. 2, 3.

[36c] Экзамен. iv. 2.

[37a] Экзамен. iv. 5.

[37b] Раздел 2.

[40a] Examen, iv. 8.

[40b] Правило следующее: “Если кто—либо не смог предоставить неоспоримые доказательства своего послушания, с ним всегда должен быть связан сотрудник, который проявил себя в этом более заметно”.—*Const.*, П. viii., глава i., раздел 3.

[41] Постановление Пятой Генеральной конгрегации.

[42a] Экзамен, iv. 35.

[42b] “Какой духовник не должен быть в растерянности, какие дела следует оставить для Настоятеля. Следовательно, должны быть зарезервированы те, которые представляются необходимыми или *весьма целесообразными*, чтобы быть известными ему”. —*Const.*, часть III., глава I.

[44] Раздел Пн. xiii. 9.

[45] Экзаменен, Т. Г.

[48] Правило следующее: “Если кто-либо наделен талантом писать книги, способствующие общему благу, и сочиняет что—либо подобное, он не должен публиковать никаких сочинений, если только генерал сначала не увидит их и не заставит их прочитать и изучить, чтобы они могли предстать перед публикой, если они кажутся хорошими для назидания, а не иначе”. —*Const.* vii. iv. 11.

[49] Этот и многие подобные отрывки смотрите в “Иезуитах” Далтона.

[55] Папа Климент XIV. сказал: “Наша воля и удовольствие состоят в том, чтобы эти наши письма *на веки веков* были действительными, постоянными и действенными... и неукоснительно соблюдались всеми и каждым, кого они касаются или могут касаться, *сейчас или в будущем*, каким бы то ни было образом”. — 21 июля 1773 г.

Пий VII. восстановил Орден, “несмотря на любые апостольские конституции и постановления, особенно на Послание Климента XIV, светлой памяти... *которые категорически отменяем*, поскольку оно противоречит настоящему ордену”. — 7 августа 1814 г.

[57] Несколько хороших иллюстраций морали иезуитов приведены в книге под названием “Случаи совести Паскаля младшего”.—*Босворт*.

[59] История Юма.

[60] Далтон об иезуитах.

[62] Исайя xxix. 13.

[63a] “Духовные упражнения”. Долман, 1847. Предисловие, стр. 21.

[63b] Там же, стр. 14.

[63c] Там же, стр. 14.

[64a] Стр. 12.

[64b] Стр. 13.

[65a] Стр. 42.

[65b] Стр. 42.

[65c] Стр. 44.

[65d] Предисловие, стр. 20.

[65e] Стр. 19.

[66a] Курсив - Кардинальный.

[66b] “Духовные упражнения”, Предисловие, стр. 15.

[66c] Там же, стр. 14.